

Живет в г. Ашкелон (Израиль). Визитная карточка участника.

По дому

Течет по-прежнему под кожей жизнь,
но не кипит от полных лун.
На кухне свет. И тень, скукожившись,
дрожит нагая на полу -
ей не к лицу лохмотья жалости,
других же не было пижам.
Скажи, ты раньше не бежал от стен?
Из кухонь раньше не бежал?
Так разбегись - и будет ванная
звездой стоваттной мерцать,
пугая марево туманное
пятном небритого лица.
Не по годам легко и молодо
в балкон, как в прорубь, окунься -
и станут жечь перила холодом

и не пускать ни вверх, ни вниз.
Пока пустые стены дороги,
и ночь бессонна за столом,
бурли крутыми коридорами,
впадай бушующе в салон...

А вот и кухня. Вновь искомый ты
не замечаешь поворот.
Не заполняй собою комнаты.
И без тебя полно пустот.

Смотри, как ластится прихожая,
виляя цепью на двери.
Ты дорожишь дубленой кожей?
Так меховую подбери
и, ощущая всеми фибрами,
какие ветры сносят дом,
не обернись на зов неприбранный,
не то забудешь, чем ведом,
очнешься в шаге от видения,
как был - в пижаме, босиком,
и вновь не жизнь, а только тень ее
родным завоюет сквозняком:
"Давай же, милый! Вместе! Заново!
Тебе понравится тоска!" -
и по заштопанному рваного
по дому примется таскать.

Бы

Тебе бы дарить, но приходится тратить
себя на волнение глади кровати.
Тебе бы делиться остатками веры,
но все, кто любил тебя жадно, без меры,
из будущих грез выжимая печали,
от вер избавляться тебя приучали.
Не ты ли потом их сама, как учили,
давила как прыщ и сушила как чирей?

Брось камень в таких, и круги разойдутся,
но в небо не взмлет и капельки куцей,
и ты не узнаешь о важном, о главном,
о том, что в ларце не яйцо, не игла в нем,
что, как ни топчи, не хрустят под ногою
ни тело, ни сердце, ни то, ни другое.

Плечами пожмешь, разведешь ли руками,
во всем виноватым окажется камень:
движения, мол, и скупы, и красивы,
но мало одной неприложенной силы,
вот если б снаряд повесомее вышел...

И меткое слово подбросишь повыше,
оно ведь остро на излете и веско,
да так, что мерещатся брызги от всплеска.
В нем проба такая, что завидно слиткам!
Но прочной окажется простынь, и слишком
цветастым - узор из кувшинок и лилий,
как будто дыру впопыхах застелили.

Озлившись, ты на воду спустишь каноэ
и грубым веслом нарисуешь иное,
чем ровные рифмы на глади тетради,
не из-за, не для, не во имя, не ради,
а лишь потому, что срастается с илом
все то, что камням и словам не по силам.

Не спишь, моя память, нырковая птица?
Мечтаешь сухой из воды возвратиться?
И вытащить тех, что во мне утонули?
Сама-то взлетишь? Не потянет ко дну ли?

Господи, как бы тебя ни звали

Господи, как бы тебя ни звали,
где бы ни проживал ты,
в храме ли, что барахлом завален,
в облаке ль рыжеватом,
Господи, как бы в тебя ни верил,
как бы ни сомневался,
чтобы не ошибиться дверью,
не перепутать галсы,
чтобы не забывались лица,
как бы ни возносило,
чтобы сверх меры не окрылиться,
лишней не дай мне силы.

Господи, лишней не дай мне власти,
чтобы осталось живо
шепотом после немых схоластик
и философий лживых
все, что я голодом не доручил

и не дожег гордыней.

Господи, не возвращай мне душу.
Присно. Вовеки. Ныне.

[Страница автора в Сети](#)

